

Вячеслав Иванов о Валерии Брюсове

Вячеслав Иванов

75 лет назад, в декабре 1923 года, Москва готовилась с помпой, на правительственном уровне отметить 50-летие «поэта, ученого и общественного деятеля» Валерия Яковлевича Брюсова. Отовсюду сыпались поздравления юбиляру, славолюбия и воспевания. Можно с уверенностью сказать: до этого такого не было никогда. Такого не было и после, даже в 1928 году, когда исполнилось 60 лет «великому пролетарскому писателю» М.Горькому (о прочих и говорить нечего).

Кстати, о Горьком. Уже сам характер и масштабы подготовки к проведению юбилейных брюсовских торжеств были развернуты так, что чувствовалось: Брюсову отводилась та роль, которую впоследствии перепоручили Горькому (так бы, вероятно, и случилось, если бы менее чем через год после юбилея не пришлось Брюсова отпевать). Ведь это именно Брюсов, а не Горький стал первым по времени певцом грядущего социализма и коммунизма, первым МАС-тером Социалистической Литературы — массолитовцем, если использовать слово М.Булгакова (подобное раскрытие булгаковской аббревиатуры МАССОЛИТ принадлежит киевскому инженеру А.Баркову).

Инициатором апофеоза Брюсова выступила как будто РАХН (Российская академия художественных наук), но, судя по тому, что на идею предстоящего чествования Брюсова тут же с увлечением откликнулись «Правда» и «Известия», можно полагать, что этот вопрос решался в гораздо более высоких сферах. В «Правде» было опубликовано приводимое ниже извещение юбилейного комитета РАХН (текст приводится с сохранением орфографии и стилистики оригинала):

Юбилей В.Я.Брюсова

14 декабря исполняется 50 лет со дня рождения В.Я.Брюсова. Ввиду исключительного значения Валерия Яковлевича в русской науке и общественности, общество не может пройти мимо этого факта, не отметив его своим сочувствием и вниманием.

С этой целью образован юбилейный комитет в составе представителей учреждений, деятелей искусства и науки, которые организуют публичное чествование поэта, назначенное на 17 декабря в большом театре по специальной программе. В дальнейшем намечены и другие формы чествования, о чем своевременно будут оповещены заинтересованные учреждения и лица.

К участию в этом чествовании юбилейный комитет приглашает профессиональные, научные и общественные учреждения и организации, деятелей искусства и науки.

Учреждения и организации, изъявившие согласие принять участие в чествовании, благоволят сообщить об этом комитету по следующему адресу: Пречистенка, 32, Российская академия художественных наук (тел. 1-40-81) с указанием форм чествования и имен делегатов.

Почетный председатель А.В.Луначарский.

- Председатель П.С.Коган.
Члены комитета: Адопц Гайк, Аксенов И.А., Асеев Н.А., Белый Андрей, Волгин В.П., Волконский Н.О., Гольденвейзер А.В., Григорьев М.С., Гершензон М.О., Деев-Хомяковский Г.Д., Есенин Сергей, Енукидзе А.С., Истомина И.Я., Каменева О.Д., Каменев Л.Б., Кондратьев А.И., Казин Василий, Кончаловский П.П., Коган П.С., Лазаревский И.И., Малышев А.Е., Меерхольд В.Э., Мещеряков Н.Л., Немирович-Данченко В.И., Нарбут (ЦК РКП), Ольденбург С.Ф., Петров Ф.Н., Пиксанов Н.К., Покровский М.Н., Пильняк Борис, Переверзев В.А., Поляков С.А., Рачинский Г.А., Сабанев Л.Л., Сакулин П.Н., Славинский Ю.М., Скороходов М.Я., Тайров А.Я., Фриче В.М., Филиппов В.А., Шмидт О.Ю., Шкулинин Ф.П., Хатаевич Р.М., Штернберг Д.П., Эфрос А.М., Южин А.И., Яковлев В.Н., Якулов Г.Б., Яворский Б.Л.

Вслед за «центральными» газетами на только еще предстоящее событие

взхлеб откликнулись газеты республиканские. Наряду с другими республиканскими газетами приведенное обращение-объявление перепечатали «Бакинский рабочий», орган ЦК КП и ЦИК Азербайджана (№ 283, 14 декабря 1923 г.). А несколькими днями позже, в №292 (1020) от 25 декабря 1923 г., был помещен портрет В.Брюсова работы М.Врубеля и под ним — очерк о юбиляре. Автором его был Вячеслав Иванович Иванов. Очерк этот представляет несомненный библиографический интерес, поскольку к нашему времени оказался вне поля зрения историков литературы, занимающихся творчеством символистов и, в частности, Вяч.Иванова и В.Брюсова. Ни в каких библиографических указателях он не значился, видимо, потому, что они учитывают только книжные и журнальные, но не газетные публикации. Не знали или не помнили об этом очерке оставшие свои, теперь опубликованные, обстоятельные мемуары ученики Иванова М.Альтман и В.Мануйлов, бывшие рядом с учителем в Баку. Не упоминала о нем дочь Иванова Лидия Вячеславовна в книге об отце, при том, что бакинский период жизни Вячеслава Ивановича там описан довольно детально. Так что в некотором смысле обнаружение этого текста можно приравнять к архивной находке.

Несколько слов, думаю, надо сказать и о газете, в которой произведение Вяч.Иванова появилось на свет. В 1922-1924 годы она публиковала многих московских и петроградских авторов: М.Булгакова, М.Зощенко, И.Ильфа, В.Катаева, М.Козакова, Ю.Олешу, В.Шершеневича. Главным редактором газеты был Петр Чагин (в 1922-1925 гг. еще и второй секретарь ЦК КП Азербайджана), впоследствии (в 1926-1929 гг.) ставший главным редактором «Красной газеты». Вечерний выпуск и ее изданий в Ленинграде, где также продолжал привлекать авторов, не вполне признаваемых официально.

Портретные характеристики Брюсова, данные Ивановым, совпадают с теми, что отметил в своей бакинской записи 17 января 1921 года М.Альтман. Слова Вяч.Иванова о Брюсове были

такими: «Да, одно время я был в него влюблен, неоднократно целовал его глаза, а глаза его были черные, прекрасные, подчас гениальные. Бывало он стоил с наклоном головы влево, весь гибкий, упругий, и вдруг весь озаряется светом, когда мелькнет у него какой-то замысел, или ему вдруг представится план его будущего произведения. Он был подобен кошке или черной рыси на Парнасе, если хотите, пантере». И другие того же времени слова Иванова, записанные его учеником: «Не того я от него ожидал, сердит я на него».

Критические отзывы Иванова о творчестве Брюсова последнего периода, приведенные в бакинском очерке, выглядели резкими, особенно на фоне сверхположительных, исключительно дифирамбических откликов, водопадом низвергавшихся на юбиляра в декабре 1923 года. Но столь же нелицеприятные слова были сказаны Ивановым Брюсову и прямо в глаза, когда летом 1924 г., перед отъездом за границу, он посетил Брюсова в Москве и имел с ним серьезный разговор. Второй из любимых учеников Иванова, которого Вячеслав Иванович взял с собой к Брюсову, — В.Мануйлов — вспоминал: «Разговор был очень значительный и ответственный. <...> Вячеслав Иванов подошел сурово к Брюсову, поздоровался с ним и сказал приблизительно следующее: «Ну вот, видишь, Валерий, что ты сделал со своей жизнью, а главное со своим творческим даром», — и Вячеслав Иванович стал строго и гневно высказывать свое суждение о последних стихах Брюсова революционного периода: «Это не ты писал, писал, как если бы тебе было заказано. Но это не твои стихи, не твой голос». <...> Иванов не очень долго был у него. На прощание он сказал: «Нам нужно было повидаться, мы долго не виделись. Я хочу, чтоб ты знал, что я тебя любил и мне тебя очень-очень жалко».

Текст очерка публикуется с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

ФЕЛИКС БАЛОНОВ

Санкт-Петербург

Валерий Брюсов

Слава, заслуженная Валерием Брюсовым, художником слова, беллетристом, драматургом, переводчиком, критиком, ученым, общественным деятелем, но прежде и главное лирическим поэтом, — делает его в эти дни предметом грандиозного, можно сказать, национального чествования. Наш наркомпрос приветствует его как «писателя-революционера, доблестного двигателя новой социалистической культуры»; наш университет — как «звено, связующее лучшие стороны старой культуры и новой». Подобные же приветствия донесли до него, без сомнения, и от множества других центров общественной деятельности искусства и мысли.

Когда же умолкнет современность, настанет черед сказать свое слово о нем и потомству.

Истинный поэт «божией милостью», передает он и отдаленным поколениям свое имя и лучшее из им созданного. И хотя бы многое, пусть даже большая часть — из написанного стало со временем лишь историко-культурным материалом, довольно будет и остатка, проверенного в горниле народной памяти, чтобы из рода в род освещалась зелень его неувядающего венка.

14 декабря Валерию Брюсову исполнилось 50 лет от роду. Бальмонту ныне 56 лет. Мережковскому — 57. Начало поэтической деятельности Брюсова принадлежит ранней поре русского символизма, хотя, в пределах этого периода Брюсов — поэт уже не первого, а второго «призыва».

Эта ранняя пора была отмечена для молодой русской поэзии преобладающим влиянием французских декадентов. Рядом с Эдгаром По, образцами являлись Бодлер, Верлен, Малларме. Позднее иные источники стали питать русскую школу символистов, которые, подобно Александру Блоку и Андрею Белому, поэтам третьего «призыва», французов уже чуждаются и живо сознают свою преемственную

Валерий Брюсов.

связь с Владимиром Соловьевым, с Фетом «Вечерних огней», с Достоевским и с Тютчевым. Согласно исследованиям профессора Ф.А.Брауна и его ученика профессора Жирмунского, в русском символизме этой позднейшей поры воскресают предания первого немецкого романтизма времен Новалиса; школа явно обнаруживает уклон к мистицизму, и Валерий Брюсов от нее обособляется, и даже избегает именоваться символистом.

На долгое время Брюсов — сторонник «искусства для искусства». Он боится подчинить его метафизике или религии. Все идеалистическое и отвлеченное его отталкивает. Позитивное и конкретное любит он. Его пленяет осязательное и монументальное; и это влечение к «l'art robuste» (искусству твердому и прочному) сблизает его с направлением французского «Нового Парнаса». Пусть посвящает он порой свои досуги Верлену, пусть посвящает эпиграфом завет последнего: «Музыка прежде всего»: верх в его поэзии одержат скульптура, рисунок и красочность, и догоня за ясностью, отчетливостью и строгостью форм уводит его от новых исканий мало-помалу назад, к традициям эпохи, именуемой классической.

Баку, декабрь 1923 г.

Окончание следует.

Николай Боков

НА УЛИЦЕ ПАРИЖА

Продолжение. Начало в «РМ» №4252.

В переулке показалась бело-зеленая церковь святой Риты, окруженная помещениями ЮНЕСКО. Парижская редкость: галликанская церковь. Теперь они почти все в Канаде. Тут уютно: все знают друг друга, а всех в общем-то немного, в столичном мореголов и очагов.

Стоит иногда и нищий: здесь подают.

— Никола!

Ремо. Он знает меня по имени, и вообще мы знакомы. Мы встретились в 89-м в малюсенькой русской церкви Трех Святителей, напротив мэрии Пятнадцатого. Ремо приходил повидать брата Серафима, монаха. И получить от него монетку.

Но главное — поговорить. И отдохнуть рядом с ним.

Действительно, некоторые люди источают отдых. От хлопот и неудач. Вернее, от незаметного для нас самих напряженного ожидания.

Вероятно, это главная задача жизни: ожидание чего-то капитального, окончательного. Может быть, брат Серафим окончательного достиг — а с ним и покой?

Но он бывал и по-житейски заботлив: смотри-ка, принесли свитер, не нужно ли? А хлеб? Смотри-ка, и масло?..

Ремо возбужден:

— Ты слышал?! В России все изменилось (это бы-

ли 1988-92)! В Ялони землетрясение! В Африке голод! А что Миттеран говорит! Президенту от него доставалось!

Ремо огромного роста, с пунцовым носом, сама энергия. Профессиональный нищий.

Позднее он начал болеть. И в последний раз я встретил его в 94-м, в XX районе. По-зимнему медлительный, меланхоличный, отдалившийся, он опять говорил о «доме под Ниццей» (вероятно, для уличных стариков). О том, что там тепло. И хорошо.

Без былого воодушевления он дал мне совет: где найти «почти новые ботинки». «Еще совсем крепкие». И оставил автограф в моей записной книжке: название агентства по трудоустройству, «где всегда можно найти что-нибудь».

А Габриэль уже просто лежит на углу улицы и бульвара, на вентиляционной решетке метро: снизу дует теплый воздух, немного пахнущий прачечной.

Натянув пиджак на голову, он спит.

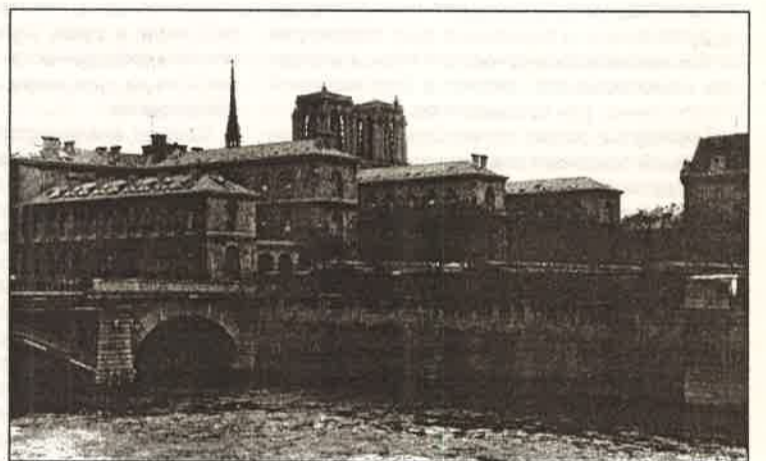
Такому аскетизму я иногда завидовал: у него нет ничего, даже сумки, даже куска хлеба на вечер. Нет никаких документов! А без них, знаете ли вы, нет и человека.

Впрочем, полицейские его знают.

Он пьет. В эту почти неприметную впадинку на дороге жизни попадают многие. Было грустно — выпил — стало хорошо. Правда, Писание этого не запрещает: «Дайте сикеры огорченному душей», — говорит оно. Правда, в другом месте, у пророков, утверждается, что пьянство — это возмездие за гордость.

В конце концов, любое призвание в жизни обнаруживается точно так же. «Что-то стало особенно хорошо получаться, потом и нравиться, начали хвалить». Ну, а потом и деньги пошли.

Габриэлю обходят прохожие.

Отель-Дьё. Фото Н.Мирошкина.

Более или менее ясно, что они о нем думают то же, что вы или мы.

Труднее взглянуть его глазами на мир.

Приглушенность тонов и звуков, одинаково недосягаемы птицы, животные и люди. Полная раздельность существований: несоприкасаемость. Неприкасаемый. Ну, разве полиция, это ее ремесло, да и она — крайне редко. Его, в сущности, нет.

Человек-невидимка.

* * *

В школьном учебнике английского языка был рассказ о таком человеке. Читая, я мечтал: вот ловко! Ходит и смотрит, а его никто не видит!

Похоже, что детская мечта осуществилась. Ведь мечта ребенка не что другое, как... молитва.

Разумеется, осуществилась неожиданным образом.

Это надо иметь в виду, когда мечтаешь о чем-нибудь.

Я хожу, смотрю и слушаю, а меня не видят. Порачительно интимные вещи делаются мне известны, и помимо моей воли: люди говорят, остановившись рядом, у входа в церковь, на платформе метро. Оглянувшись, не слышит ли кто, скользя по мне невидящим взором, понизив голос:

Окончание. Начало в "PM" № 4255.

II

Итак, Брюсов хочет быть классиком. Он — римлянин (не грек) по своим вкусам и предрасположениям. Он делается знатоком Рима, как это явствует из его научных этюдов о поздней римской литературе, из его эрудитского романа «Алтарь Победы», из его монументального перевода Энеиды Вергилия, который в его словесно точной и намеренно тяжелой передаче кажется Эппием*. Его стих приобретает звон металла, упругость мощной мускулатуры и классическую законченность: он строен и прочен, как бронзовое изваяние. Но душа поэта остается романтической. Романтически его склонность к экзотическому, его культ страсти, экзальтация чувственности, преломление повседневной жизни в призме мечтательности, превращение мифа в балладу, поза и жест героя мелодрамы, игра с таинственным, пафос «рокового» и «неизбежного». Это романтическое содержание не умещается в классических формах: ему нужны все возможные формы, все мыслимые объекты романтизации, — и всеми с равной легкостью овладевает гибкий и всеотзывный талант. На все, что ни есть в мире, хочет поэт откликнуться; но не как Пушкинский поэт-эхо отдает от каждого пронесущийся звук, а как Эолова арфа, которая, повторяя тон, сохраняет собственный тембр. Брюсов поет на все голоса, «стилизует», имитирует довольно счастливо Жуковского и порой столь неудачно, как в продолжении «Египетских ночей», Пушкина, меняет одну за другой все манеры, от декадентской до футуристической, собирает «все напевы». Но эта многострунность граничит с эклектизмом; а готовность «равно прославлять и господу, и дьявола» и убеждение, что «все в жизни лишь средство к созданию певучих стихов», — пристрастие к заблуждениям, будто можно быть всечеловеком и все-поэтом, отрехшись от своего лица, — возво-

* Эппий (I в. до Р.Х.) — римский политический деятель и писатель.

дят этот эклектизм в принцип. С другой стороны, само искусство поэта — понятие как техника, встает врагом его лирической свободы, и присущее Брюсову питическое спортсменство, жажда «агона» или состязания, желание «побить рекорд» уводят его на ложные пути вроде поисков труднейшей и ужаснейшей рифмы, как «сковывающие» и «очаровывающие», «липовые» и «всхлипывающие», или сложения стихов, которые можно читать одинаково с начала к концу и с конца к началу. Но, как бы ни насиловал из каприза поэт-деспот свою царственную и нежную музу, она все же поет, в промежутки между «опытами», дивные и истинно вдохновенные песни, свидетельствуя об огромности того дарования, какого ничто не в силах исказить или надорвать.

III

Валерий Брюсов любит Виктора Гюго, и любовь эта нам понятна: есть между обоими поэтами глубокое сродство. Талант обоих по преимуществу талант слова; изобилие обоих — словесное изобилие, свргающееся ниагирами бурно-патетической речи с обрывом смело и причудливо громоздящейся фантазии. Обои своиственные ораторское воодушевление и риторический строй; быстро вспыхивает в обоих энтузиазм и ищет излиться в громогласном витийствовании. Музыка обоих сложена не для камерного исполнения, но для широких пространств; оба охотно восходят на трибуну. Обои нужно и желанно все массовое — в огромности замыслов, в избытке звучных слов, в колоссальном размахе и «нагромождении ярких образов», в искании мощных эффектов, в жажде широкого охвата всей жизни и массового отзвучия в душе современности. Обои, зачинателям и бойцам по темпераменту, Аполлон предстает в грезе неразумным с

крылатую спутницей — богиней Победы. Оба, по природе «будучи ораторами, — импровизаторы по природе».

Для обоих «вдохновение» значит «восторг». Silenium Тютчева («молчи, скрывайся и таи...») обим равно чудно: быть может, обим нечто скрывать от «дневных лучей». Странное — общие черты обоих, как повествователей. Верхарн, оратор, родился из духа Виктора Гюго: он особенно любезен Брюсову, который сделал его имя популярным в России и является лучшим его переводчиком.

IV

Брюсов прекрасен, когда с необыкновенным огнем в его черных глазах и своеобразным быстрым чеканом рифм читает он вслух свои новые стихи, мгновенно схватывает весь замысел и все оттенки его выражения, вспыхивает радостно от удачного образа или звука и в немногих словах чутко оценивает услышанное и с безошибочной меткостью мастера находит почти неуловимое совершенство или несовершенство.

Его печатные критики, при всей их точности и определительности, суховаты и порой бесцветны в сравнении с его устной критической беседой, проникнутой художественным энтузиазмом.

В течение долгих лет Брюсов-критик был верховным судьей и правителем нашей поэзии: несравненным наставником молодых художников слова остается он и доныне.

Его работоспособность изумительна; чрезвычайно высока литературная продуктивность этого замечательного полиграфа. Лирика, поэмы, драма, повести, романы, стихотворные переводы, критические и историко-литературные статьи, ученые работы (особенно по исследованию текстов Пушкина)

заполнили бы длинный ряд томов, полного собрания его сочинений. Стихи (оригинальные или переводные) пишет он ежедневно в свой час, как монах, становящийся на молитву. К этому присоединяется широкая деятельность общественная, административная, редакторская, профессорская. Его творчество, его плодovitость, его энергия не оскудевают с годами. Тот же юношеский огонь, та же упругость воли и мысли, та же неистощимость фантазии, та же вдохновенность и воля борьбы, та же рыба зоркость глаза и чуткость уха, та же мощь и грация благородного и хищного зверя.

V

Из русских символистов двое вплотную подошли к темам современной революции: Александр Блок, преимущественно в своих «Двенадцати», и Валерий Брюсов. Первый, как искатель истрадавший от безвыходности всех прежних путей, испустил звавший Россию «какому хочет чародею отдать разбойничью красу», — и как ясновидящий, прозревший в снежной выюге и в мелькавших красных лоскутах революционного знамени какою-то Христа «в белом венчике из роз» со струящимся позади ручейком красной крови, — одним словом, как человек, к действительной революции не причастный; другой — как член коммунистической партии и официальный, академический певец революции, восславивший ее во многих громких одах.

При неполном соответствии обоих предмету воспевания, все же оказалось, что Блока-революционера глубже тронула современность и уловила нечто для нее более заветное, чем непререкаемые тезисы и блистательные метафоры революционера Брюсова. Первый больше страдал, томился и отчаивался вместе с Россией до наступления красных дней, когда же они предстали

ему «черным вечером, белым снегом и ветром», крикнул им иступленное: «Осанна» с пронзающим душу надрывом; второй, давно уже заявлявший, что поэт с народом, когда народ сознает себя не толпой рабов и сумеет зажечь действительный пожар, сразу огляделся в происшедшем и возрадовался, оказавшись не на тропинках одиноких блужданий, а на исторической магистрали. Раньше не хвалил он «мятежных звонарей» на общественной колокольне, находя их недостаточно «искусными», теперь же уверенно слил свой голос со всенародным набатом. Претворение перед исторической мощью глубоко заложено в его природе, идет ли дело об ассирийском Ассаргадне или же о революционном пролетариате. Самих гуннов, чей «чугунный топот» услышал поэт на «еще неоткрытых Памирах», гуннов, которые его «уничтожат», и именно за то, что они его «уничтожат», встречал он когда-то «приветственным гимном». Пролетариат же с его новой культурой, основанной на машине, был естественно близок певцу города, певцу дерзновенных пионеров авиации, восторженному певцу машины. Обращение Брюсова в новую веру было искренне, как любовь его раба, прикованного к ложу прекрасной и безжалостной египетской царницы. Это была страсть, а в страсти Брюсова есть что-то женское, отдающееся, услаждающееся своим подчинением, приемлющее страсть как рок.

«Любовь находит черной тучей», — поет он и создает своего Антона, своего героя повести «Огненный ангел».

Без боли сжег он все прошлое, кроме искусства, которое любит больше всего и которого сжигать было не нужно, что, отплывая, мнил, что только волшебный корабль принесет его в тот же «третий Рим».

Баку, декабрь 1923 г.

Публикация
ФЕЛИКСА БАЛОНОВА
Санкт-Петербург

Продолжение. Начало в "PM" №4252.

Николай Боков

Около 9-ти автобус полон. Нас больше тридцати. Последним попался весельчак, оказавшийся Стивом. Ему все нипочем, и ему наплевать, он видел вещи и похуже, а съездит в Нантер — одно удовольствие, он давно хотел подстричься.

И автобус берет курс на Нантер, говорят знатоки. Похоже, что так: мне удается ориентироваться, глядя через узкую незакрашенную полоску в верхней части окна.

Говорят, тут родилась св. Женевьева, покровительница Парижа. И отсюда, говорят, она любила ходить в Сен-Дени.

Автобус останавливается.

Огромные ворота открываются, и мы въезжаем. А ворота закрываются позади нас.

Мы оказались в окружении чрезвычайно высоких стен.

Всех выгружают.

Проводят в приемный зал.

Ценные вещи и деньги нужно сдать на хранение, о чем делается запись в журнале. Проверка прочих вещей. И — под душ.

Обязательный душ. Из обрывков разговоров я узнаю, что это мероприятие восходит к де Голлю. Гигиеническая мера: сбор клошаров и бездомных и обязательное мытье. Ну, и полицейская проверка неприкаянных элементов. Два автобуса в день. Человек 70-80.

Полицейские громко кричат. Не от злости, это привычка: чтобы быстро получить желаемое — последовательное исполнение всех пунктов. Несмотря на утро, уже многие пьяны — и не понимают. Просто инстинктивно сопротивляются всему, как попавшиеся в сеть звери.

— Ценные предметы — деньги — есть?! — ревет голос.

— Нет, господин, — говорю я, улыбаясь. И неожиданно свирепое лицо смягчается:

— В таком случае, господин, пройдите в душ, — говорит полицейский совершенно спокойно.

Они одеты в обычную форму.

В нашу странную толпу — краснолицых, небритых, одетых крайне разнообразно — вкрапываются люди в комбинезонах оранжевого цве-

та. Спокойные, молчаливые, обслуживающие. Может быть, они нашли эту работу, однажды привезенные сюда, как сегодня мы? Или даже попавшиеся на чем-то серьезном?

Полотенце — мыло, полотенце — мыло, полотенце — мыло — вода.

Все-таки неплохо смыть пыль и пот. Среди одевающихся мелькают чистые довольные лица. Но есть пессимисты, они мыться не стали: так, побыли возле кабинки и пошли одеваться. Все с той же горечью постоянного упорства и сопротивления, во всем и всегда.

Ну вот, можно побраться и постричься: вот парикмахер. К нему образуются очередь.

И врач тоже пришел: можно поговорить и пожаловаться на что-нибудь и даже получить направление в больницу Салль-Петриер, в отделение для неимущих: La Pitie.

Обежать!

В обширной столовой, по четыре за столиком. Почти не разговаривая друг с другом, стук вилок и ложек многих едящих одновременно.

Нас человек пятьдесят.

По куску жареного мяса и прочее, как обычно. Салат, сыр, десерт.

Ковыряя в зубах, закуривая, рыгая, мы выходим из столовой на двор с поразительно высокими стенами, с еще более высокими корпусами, нависшими над стеной. Выясняется, что это бывшая женская тюрьма.

Там и тут мы расселись: вдоль стен, полулежа, опираясь спиной, задремывая. Смеются и

НА УЛИЦЕ
ПАРИЖА

Фото Н. Мирошкина.

болтают старые знакомые: вместе прожиты годы на улицах, на станциях метро и в ночлежках.

Дружелюбное общение людей — дар Божий, это известно. Всем достается толика любви.

Маргинальные люди. Маржино, как выражается французский язык: вынесенные на поля страсти жизни. На «линию Маржино».

Но и тут есть свой край: вот этот что-то бормочущий человек, осторожно снимающий ботинок с ноги заснувшего у стены. Говоря еле слышно себе самому, он уносит ботинок, бродит с ним по двору, льет в него воду из крана. Жизнь отнесла его в одиночество еще дальше, чем нас.

И другой явно страдающий неимоверно — тот самый весельчак Стив, которому все было нипочем. Он бледен, глаза ввалились; он пристает к полицейским с одним и тем же вопросом: «когда?» То и дело он ходит к воротам. Несколько часов в неволе для него — пытка.

Правда, часы начинают растягиваться. Ожидать освобождения — трудное дело.

От знатоков вопроса я уже знаю, что утренний улов выпускают около пяти, когда автобус возвращается с нового рейда и с новой добычей.

Вечерним хуже: их оставляют ночевать в тюрьме. Впрочем, слышны мнения, что зимой это кстати, если переночевать в тепле негде.

Так интересно! Статистически нас немного — сколько-то тысяч на несколько миллионов имеющих кров. И, однако, вес этих выброшенных ненужных людей велик. В самом деле, больше веса сотен тысяч благоустроенных.

Моральный вес? Вес жалости и презрения? Вес солидарности вида?

И уж будьте уверены, свою лепту в национальный продукт они вносят. Парадоксальным образом, сами того не зная, незримо стоят они за спиной работающих, чтобы те трудились лучше и дольше.

Четвертый час.

Произошли уже споры, ссоры, размолвки и примирения.

Не попробовал ли мне устроиться здесь на работу? Встречать дружелюбно — отличная работа! Ну, и делать что-нибудь. Как вон тот человек в оранжевом комбинезоне, который моет из шланга кафельный пол приемной.

Его я посвящаю в свой план. Подумав, он говорит:

— Когда вас привезут в следующий раз, скажите полицейским в приемной, что вы хотели бы тут работать.

Тепло июньского послеполюдня.

Нагретый асфальт.

Этажи окон с решетками.

В камерах-сосудах жили люди.

Иногда дух, заключенный в тело, начинает вести себя странно, и тело заключают в помещенные с прочными стенами.

Народ распределен по слоям и клеточкам.

Впрочем, ныне социология предпочитает вместо прямых линий — неправильные кривые резинных сосудов. Это нагляднее: границы групп расплылись. Но и у современного общества есть свой отстойник и сброс.

Если человек согласился и принял — а как иначе? — то он проживет и здесь. Дождется